

Клаузевиц Карл

1799 год Клаузевиц

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
К23

К23 **Карл К.**
1799 год Клаузевиц / Клаузевиц Карл – М.: Книга по Требованию, 2024. – 301 с.

ISBN 978-5-519-89245-2

ISBN 978-5-519-89245-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Выпуском в свет настоящего перевода Воениздат НКО СССР продолжает свою работу по ознакомлению советского читателя с выдающимися произведениями крупнейшего военного мыслителя К. Клаузевица.

Его военно-исторические исследования посвящены, как известно, главным образом, войнам французской буржуазной революции. Среди этих войн кампания 1799 г., по словам Клаузевица, «принадлежит к числу наиболее важных и поучительных во всей военной истории».

Для нашего читателя кампания 1799 г. представляет особый интерес в связи с тем, что главным действующим лицом в ней являлся гениальный русский полководец Александр Васильевич Суворов.

Блистательные успехи сорокалетнего Суворова в кампании 1799 г. были последними в его полководческой деятельности. Эти успехи тем замечательней, что Суворову, которому поручили командование войсками феодальной коалиции, выступившей против Франции, пришлось действовать в тяжелой обстановке интриг и всяческих препятствий как со стороны Павла I, так и со стороны бездарного придворного военного совета Австрии — гофкригсрата. Это обстоятельство вскрыто в известной мере и Клаузевицем, отзывающимся с высокой похвалой о полководческом искусстве Суворова.

Клаузевиц на протяжении своего труда не скупится в резких выпадах против Французской республики. Наш читатель поймет, конечно, всю неуместность этих выпадов, которые по справедливости надо адресовать пшициаторам феодального крестового похода против Французской республики.

Для облегчения ориентировки читателя Издательство снабдило труд К. Клаузевица фотокопией карты из книги Д. Милютина «История войны 1799 г.», издания 1857 года.

ВВЕДЕНИЕ

Итальянский и швейцарский походы 1799 г. нельзя рассматривать изолированно; при подобном рассмотрении они не могут быть поняты в полной степени и утрачивают значительную долю интереса, так как отдельные моменты этих походов тесно связаны между собою.

Рассматриваемые в общей связи они принадлежат к числу наиболее важных и поучительных во всей военной истории. В них принимали участие четыре крупнейших полководца: Суворов, эрцгерцог Карл, Моро и Массена; из генералов, менее выдающихся, на одной стороне участвовали Лекурб, Макдональд, Жубер, Сульт, Шампионе, Дессоль, на другой — Край, Мелас, Готце, Багратион. Это были лучшие представители обеих армий. Во время этих кампаний произошло семь генеральных сражений, три раза форсировались реки, множество раз производились решительные атаки и велась упорная оборона позиций, расположенных среди альпийских высот; наконец, был совершен переход армии через С.-Готардский проход, занятый и обороняемый противником, силы которого, возмущавшие подобно снежной лавине, замыкали естественные выходы и принудили армию искать другого пути среди крутых скал и ущелий.

Наконец, эти войны замечательны еще и в том отношении, что союзники, ведя их, руководились не только общим чувством возмущения против врага, но также обособленными мелкими политическими интересами; разногласия между союзниками и последовавшие затем военные неудачи скоро привели к расторжению союза.

ГЛАВА 1

ОБЩЕЕ ПОЛОЖЕНИЕ. ОТКРЫТИЕ КАМПАНИИ В ГЕРМАНИИ. ЗАВОЕВАНИЕ ФРАНЦУЗАМИ ГРАУБЮНДЕНА. ПОРАЖЕНИЕ, НАНЕСЕННОЕ ЭРЦГЕРЦОГОМ КАРЛОМ ЖУРДАНУ ПРИ ШТОКАХЕ

Политическое положение при открытии кампании

Вскоре после заключения Кампо-формийского мира осенью 1797 г. французы эвакуировали свои войска из Австрии и отошли к Германии за Рейн, а в Италии — за р. Эч, которая должна была стать границей, отделяющей Цизальпинскую республику от австрийских владений. Австрийцы заняли Венецию и свои ломбардские провинции, разместив войска тремя большими массами, из которых одна занимала Италию до р. Эч, другая — Тироль и третья, называвшаяся имперским контингентом, — район между Изаром и Лехом. При таком положении начались на Раштадтском конгрессе в декабре переговоры о заключении мира. В одном из секретных пунктов Кампо-формийского мирного трактата австрийцы согласились на уступку Франции левого берега Рейна и обязывались вывести оттуда свои войска, исключая имперский контингент в случае, если немецкие князья не захотят поступить в соглашение о вознаграждении за секуляризованные духовные владения; французы же не соглашались эвакуировать Венецию, прежде чем они не поступят во владение Майнцем. Поэтому в декабре австрийцы вывели свои войска из Майнца, и курфюрст, вооруженные силы которого состояли всего лишь из 3 000 человек, не желая снова подвергать свои владения неприятельскому вторжению, вынужден был отдать приказ о сдаче города. Таким образом, это германское владение мирным путем перешло в руки французов. Фактическая передача города произошла спустя несколько недель. Было не вполне ясно, стремилась ли Австрия путем Кампо-формийского мира только выиграть время, чтобы подготовиться к новой войне и при иной политической конъюнктуре противопоставить Франции такие силы, ко-

торые позволяли бы рассчитывать на верный успех, или же она и в самом деле хотела заключить с Францией мир, не только возместив свои потери за счет мелких владений, но даже увеличив свои владения; по крайней мере, она надеялась округлить их и, таким образом, заключив временный союз с Францией, вырасти в такую мощную силу, которая могла бы быть использована или для того, чтобы в дальнейшем действовать на равных правах с Францией, ничего ей не уступая, или же чтобы снова выступить против нее.

Если мы представим себе, какие чувства люди переживают после продолжительной неудачной войны, причем необходимость нередко заставляет их, не добившись одной цели, ставить себе другую цель, противоположную первой, то весьма вероятно будет предположить, что в австрийском кабинете из этих двух точек зрения сначала преобладала первая, а впоследствии получила перевес вторая.

Французскому правительству вследствие непрочности его положения и постоянной смены стоявших во главе его лиц было крайне трудно выработать какой-нибудь определенный взгляд на политические отношения и приписать какой-либо план. Каждый раз брали верх потребности данного момента. По отношению к Пруссии во время заключения Кампо-формийского мира обнаруживались холодность и пренебрежительное равнодушие. Со стороны Австрии нельзя было и ожидать ничего другого; со времени ее неудачного союза с этой державой снова должны были возникнуть чувства старой неприязни и зависти. Обе воевавшие державы — и Франция и Австрия — вначале Раштадтского конгресса имели в виду играть впоследствии роль господина по отношению к этому государству, в чем и заключалась их общая конечная цель. По крайней мере, только этим можно объяснить то пренебрежительное отношение, которое проявили к Пруссии оба эти государства в первой половине раштадтских переговоров, между тем как впоследствии они стали добиваться союза с нею.

Но вследствие бесхарактерности и непоследовательности французского правительства и при том высокомерия, которое обычно обнаруживает папизм в результате военных успехов, доводивших ее до экзальтации, не могло быть и речи о спокойном достижении разумных целей. Еще не установился общий мир или, по крайней мере, мир на континенте; еще не упрочились новые политические отношения, Раштадтский конгресс пока еще не добился существенных успехов, а дух революции и беспокойный характер французов толкали их на такие шаги, из которых каждый мог бы в другое время привести в движение всю Европу.

Уже в январе 1798 г. французы вступили в Швейцарию с намерением превратить эту страну в демократическую республику и, подчинив ее Франции, овладеть ее денежными ресурсами и запасами оружия.

После нескольких кровопролитных сражений новая республика была основана, однако, без включения в нее Граубюндена, который отдался в руки Австрии. Вновь образованное государство можно было рассмат-

ривать скорее как вассальное, чем союзное. Та небольшая помощь, которой добилась Франция от его нового правительства, имела мало значения вследствие возникавших повсюду разногласий, которые в некоторых местах приводили к кровавым столкновениям.

В это же время в Риме вспыхнуло восстание, во время которого был убит генерал Дюфо, член французской миссии Люсьена Бонапарта. Воспользовавшись этим поводом, генерал Бертье вступил в Рим и, спровоцировав новое восстание, противоположное первому, провозгласил Римскую республику. Папа был вынужден бежать в Тоскану.

Спустя несколько месяцев после этого в мае Бонапарт отправился в Египетскую экспедицию. Он начал свой поход с завоевания о. Мальты. Если при этом можно было не считаться с Австрией, повидимому, не заинтересованной непосредственно, а также с Англией, как с неприятельским государством, то зато здесь в такой степени были затронуты интересы двух держав, до сих пор остававшихся нейтральными, что они вступили в военный союз с Англией против Франции. Это были Турция и Россия. Император Павел, всегда питавший в душе пристрастие к Мальтийскому ордену и объявивший себя его защитником, был так возмущен захватом Мальты, который являлся нарушением международного права и повлек за собой уничтожение ордена, что это было единственным основанием его участия в союзе против Франции и вместе с тем явилось основной причиной создания второй коалиции.

Во всяком случае представляется странным, что такое незначительное событие, каким должен казаться захват Мальты в сравнении с захватом Египта и которое было только простым добавлением к последнему, послужило причиной событий, значительно более крупных, чем сама Египетская экспедиция.

Так как император Павел при вступлении на престол в 1796 г. отказался выполнить принятое императрицей Екатериной II обязательство выступать против Франции с 60-тысячной армией, то его выступление, последовавшее год спустя, со 100-тысячной армией следует приписать исключительно захвату Мальты. Во всяком случае большой вопрос, решилась ли бы Австрия на новую войну без этого выступления русских.

Легко понять, что такие высокомерные и насильственные действия делали мир совершенно невозможным. Правда, австрийское правительство стремилось избежать разрыва. Между австрийским министром иностранных дел графом Кобенцлем и французским эксдиректором Франсуа де-Невшато в мае начались переговоры в г. Зельде в Эльзасе относительно оскорбления, нанесенного французскому послу в Вене генералу Бернадотту. Но эти переговоры не привели к успешным результатам. В этом не было ничего удивительного. Как раз во время этой конферен-

ции началась Египетская экспедиция, а ничто не могло так побудить Австрию к новой войне, как это событие.

С одной стороны, оно создавало Франции нескольких новых врагов, с другой — лишало ее 45 000 лучших войск. Легко было также предвидеть огромные затруднения, которые возникнут при этом завоевании; кроме того, Франция лишалась того полководца, которого считали главным и ближайшим виновником совершенно утраченного военного равновесия.

Таким образом, в это время, т. е. в июне 1798 г., во всех своих намерениях Австрия ориентировалась на новую войну, и переговоры на Раштадтском конгрессе продолжались только для видимости.

Австрийское правительство делало все возможное, чтобы снова привести свои военные силы в боевую готовность. Оно заключило договор с Россией, по которому к австрийской армии должны были присоединиться 50 000 русских под начальством Суворова. Первые колонны этих войск уже в августе показались на границах Галиции. В другом договоре, заключенном в конце этого года с Англией, император давал обещание в случае вступления в коалицию также и Пруссии присоединить к ее армии 45 000 человек. Если же Пруссия не войдет в коалицию, обе державы имели в виду другие мероприятия диверсионного характера: в июне 1799 г. была заключена конвенция, согласно условиям которой Россия с армией в 18 000 человек и Англия с 13-тысячной армией должны были произвести совместный десант в Голландии.

Россия и Англия стремились сблизить Австрию с Пруссией и привлечь последнюю к участию в коалиции, однако безрезультатно.

Наконец, русский император заключил также союз с Портой и королем Неаполитанским. Эти союзы, правда, не оказали решительного влияния на кампанию 1799 г., но в отношении Франции последний из них послужил основанием к тому, чтобы снова занять укрепленные пункты в Нижней Италии, эвакуированные главными силами французской армии, и уничтожить обе учрежденные там республики.

Король Неаполитанский с октября 1797 г. находился в мире с Францией. Однако, расширение территории этого государства в течение 1798 г. и возникновение Римской республики, естественно, должны были причинять особые заботы неаполитанскому правительству. Поэтому оно вступило в союз с Австрией, Англией и Россией, решив принять деятельное участие в новой войне, и выставило армию силой в 60 000 человек. Понятно, что это не могло остаться скрытым от французской Директории, и неаполитанский двор боялся, что он в любой момент может подвергнуться нападению французских сил, находившихся в Римской области и на р. По. Допущение в неаполитанские гавани победоносного флота Нельсона, возвращавшегося из Египта после победы при Абукире, было прямым нарушением одного из условий заключенного в октябре мирного договора с Францией. Англичане с своей стороны полагали, что в их интересах будет к концу

1798 г. поджечь мину, заряженную в Неаполе, так как они не вполне еще были уверены в австрийском кабинете, опасаясь возможности нового соглашения его с Францией. Если при этом приять во внимание личное влияние Нельсона, обманчивые надежды на большие выгоды, предоставляемые наступательным образом действий, а также открывавшиеся перспективы восстановления церковного государства, привлекавшие религиозно настроенного короля и интриганку-королеву, то будет вполне понятно, почему неаполитанский король, вопреки советам австрийцев, в конце ноября 1798 г. открыл военные действия нападением на французские войска в Римской области, хотя можно было предвидеть, что австрийцы начнут свой поход не ранее апреля следующего года. Мы можем сказать, что это событие, непонятное при общем взгляде, получает некоторое объяснение, но оно, конечно, никоим образом не может быть оправдано. Может быть, при лучшем командовании и более удачном образе действий неаполитанской армии имелись некоторые основания ожидать, что она победоносно достигнет р. По. Однако, там должно было создаться равновесие сил, а затем при моральном превосходстве французов, которого они не могли так легко утратить, и при решительности французских генералов трудно было ожидать, что они останутся пассивными. Наоборот, можно было предвидеть со стороны французов решительные действия; при превосходстве же сил, которое постепенно будет у них создаваться, они неизбежно дошли бы до Неаполя, и таким образом и самое существование этого государства на континенте было бы поставлено на карту. Для всего этого было бы достаточно 3—4 месяцев. В действительности события сложились еще хуже, чем это обрисовано в приведенных выше предположениях.

40 тысяч неаполитанцев, которые под начальством Мака в конце ноября начали свое наступление, не могли похвастаться ни одной, даже самой ничтожной победой. Они повсюду терпели поражения от французской армии под начальством Шампионе, вдвое меньшей по численности, и через 4 месяца король был вынужден отдать свои провинции на континенте республиканцам-французам, которые после непродолжительной игры с лаццарони в конце января провозгласили Партенопейскую республику.

Итак, благодаря этому поражению один из участников коалиции, силы которого насчитывали 40 000 человек, уже исчез с театра войны.

Оставалось, конечно, сомнительным, ослаблены ли были силы французов вследствие того, что они были вынуждены расширить театр военных действий.

В то время как генерал Шампионе положил конец Неаполитанскому королевству, а именно в декабре, французская Директория приказала своим войскам под начальством Жубера вторгнуться в Пьемонт и принудить короля Карла-Эммануила отказаться фактически от власти в этом герцогстве, предписав своим подданным подчиниться

французам, и уехать со своим семейством в Сардинию. Для этого насилия не было непосредственного политического повода. Французское правительство просто решило, что будет гораздо спокойнее и безопаснее захватить в собственные руки эту естественную базу итальянского театра войны, чем оставлять ее в руках сомнительного союзника.

Великое герцогство Тосканское с 1795 г. не находилось более в состоянии войны с Францией, оно охотно согласилось бы сохранять так называемый нейтралитет в предстоящей коалиции, но французы не предоставили ему выбора и тотчас же объявили ему войну вместе с объявлением войны Австрии.

Кроме великого герцога Тосканского, из прежних итальянских государей оставался еще герцог Пармский. Поскольку Испания находилась в союзе с Францией, он в качестве испанского инфанта (наследника) принадлежал также к ее союзникам.

Все остальные итальянские области были растворены в Цизальпинской республике, которая, следовательно, состояла из Милана, Мантуи и Модены, лежавших на левом берегу р. Эч, части Венецианской области и трех папских легатств — Болоньи, Феррары и Равенны. Это было государство с 4-миллионным населением, внутренняя организация которого только еще создавалась и которое в качестве суверенного государства не могло еще оказать Франции значительной поддержки.

Таким образом, Франция хотя и владела бесспорно всей Италией, но, конечно, не в такой степени, чтобы иметь возможность почерпнуть из нее значительные военные силы.

Напротив, среди европейских держав Франция не имела ни одного союзника, кроме Испании, которая на кампанию 1799 г. не оказала никакого влияния. На стороне коалиции находились Австрия, Россия, Англия, Сицилия, Турция. Из немецких государей все северные, а со времени похода французской армии 1797 г. также и большинство южных князей, заключили сепаратный мир с Францией, но их последнее содействие заключалось лишь в незначительных государственных контингентах, которые были расположены в качестве гарнизонов в Филиппсбурге, Мангейме и Вюрцбурге. Со стороны России только 50 000 человек принадлежало к собственно союзному контингенту. Если бы Англия выставила подобные же военные силы, то она все-таки не могла бы иметь такой же вес на чаше весов, так как ее силы должны были быть использованы на крайних флангах (Голландия и Испанья) только позднее, и вообще неизвестно, когда они могли приступить к военным действиям. Турцию и Сицилию в кампании 1799 г. почти нельзя было принимать во внимание.

Итак, безусловно можно было рассчитывать только на австрийские войска с 50 000 русских. Таково было политическое положение воюющих сторон в феврале 1799 г., когда обе они были уже убеждены

в неизбежности войны, однако, австрийцы хотели еще на некоторое время задержать события, чтобы дать возможность подойти русским.

Так, после двухлетнего мира снова началась большая европейская война.

В предшествующей шестилетней борьбе пришлось заплатить потерей Бельгии, Голландии, левого берега Рейна и всей Верхней Италии. Так как на протяжении этих 6 лет не было недостатка в отдельных удачных операциях и походах, то не без основания казалось, что конечный военный успех Франции и потеря территории были следствием политических разногласий и противоречий интересов среди союзников.

Новая война, повидимому, началась при благоприятных условиях. Австрия выставила такие по численности силы, какими она не обладала в прежних кампаниях. Во главе армии должны были стать выдающиеся полководцы: Суворов, прославленный своей энергией, и эрцгерцог Карл, который благодаря своему походу 1796 г. выдвинулся в ряды талантливейших полководцев. Напротив того, французы ослабили свои силы, чрезмерно растянув их во все стороны, так как занятые ими страны не давали их боевым силам никакого действительного подкрепления; все три выдающихся полководца — Пишегрю, Моро и Бонапарт — были в отсутствии, правительство было слабо, и ему угрожала борьба партий. Конечно, эти преимущества Австрии были очень значительны и вполне достаточны для счастливой войны, если бы при этом они были хорошо использованы, т. е. если бы имевшиеся средства были употреблены с должным пониманием дела и энергией, если бы позаботились об экономии времени и сил, прежде чем изменились эти условия. Но подобная интенсивность действий могла быть достигнута только двумя средствами: или энергией одного лица, которое возглавляет все дело, имеет постоянно в виду определенную цель, обдумывает и приводит в порядок все отдельные элементы, наблюдает за соразмерным развитием целого, толкает вперед каждого, остающегося позади, или же общим энтузиазмом в борьбе, увлекающим всех за собой. Ни одного из этих средств не было в новом союзе. Шпага констабля* была заменена пером гофкригсрата, на знамени которого было написано слово «рутина».

Численность и расположение боевых сил воюющих сторон

Австрийцы

1. Армия эрцгерцога Карла, расположенная на квартирах в районе между Лехом и Изаром,—65 000 пехоты (61 батальон), 27 000 кавалерии (138 эскадронов)—92 000 чел.

* Главнокомандующий армией, которому в армии подчинился даже король. Это звание уничтожено в 1627 г.

2. Армия генерала Готце в Форарльберге и Граубюндене, подчиненная верховному командованию эрцгерцога Карла, — 24 600 чел. пехоты (23 батальона), 1 400 кавалерии (8 эскадронов) — 26 000 чел.

3. Армия генерала Бельгарда в Тироле — 44 400 чел. пехоты (56 батальонов) и 2 600 кавалерии (14 эскадронов) — 47 000 чел.

4. Итальянская армия на р. Эч под командованием Края — 64 000 пехоты (82 батальона) и 11 000 кавалерии (76 эскадронов) — 75 000 чел.

Общая численность 240 000 чел.: 198 000 чел. пехоты и 42 000 чел. кавалерии. К этому еще следует прибавить 15 000 чел. артиллерии. Всего 255 000 человек.

Французы

1. Дунайская армия под командованием Журдана — 38 000 чел.

2. Обсервационная армия под командованием Бернадотта на Среднем Рейне, не считая гарнизонов крепостей, — 10 000 чел.

3. Армия Массены в Швейцарии под общим командованием Журдана — 30 000 чел.

4. Армия Шерера в Верхней Италии — 60 000 чел. Общая численность 138 000 чел., из них около 20 000 чел. кавалерии.

Такова была численность тех войск, которые уже в действительности вошли в соприкосновение и могли быть обеими сторонами использованы для решительных действий.

Австрийцы, таким образом, имели численный перевес на 117 000 чел., а кавалерии же они превосходили противника более чем вдвое. Если мы бросим взгляд на все боевые силы, которые могли действовать в этой кампании и, следовательно, должны быть приняты в расчет при рассмотрении всего плана войны, то на стороне французов нужно еще считать около 34 000 чел. в Верхней Италии, 25 000 чел. — в Пьемонте, 20 000 чел. в рейнских крепостях и 10 000 чел. в Голландии. Всего мы получаем, таким образом, около 230 000 чел., среди которых находились швейцарские, цизальпинские и лигурийские союзные войска, которые, однако, насчитывали не более 10 000 чел. Следовательно, на собственно французские войска приходилось около 220 000 чел. Повидимому, это было немного.

45 000 человек было отправлено в Египетскую экспедицию, кроме того, правительство ввиду неспокойного состояния страны, недостаточной прочности своего положения и предстоящих выборов не считало возможным вывести из страны все войска. Наконец, нужно было как-нибудь охранять и береговую линию. Если все это принять во внимание, то ничего не будет удивительного в том, что силы Франции на границах были невелики. Повидимому, для всех надобностей внутри страны было оставлено около 120 000 чел. Вместе с войсками, стоявшими на границах, и Египетской армией получится общая численность в 400 000 чел. Это для Франции было не много, но все историки согласны с тем, что со времени Кампо-формийского мира Директория проявляла крайне небрежное отношение к военным силам страны.